

Елизавета Спирина

Выбор

Елизавета Спирина

Выбор

«Издательские решения»

Спирина Е.

Выбор / Е. Спирина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961912-9

XX век... Время, когда каждый должен был сделать выбор. Выбор между верой и неверием. Между совестью и законом. Выбор, когда на одной чаше весов — жизнь, а на другой — смерть...

ISBN 978-5-44-961912-9

© Спирина Е.
© Издательские решения

Содержание

Отец Леонид	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Выбор

Елизавета Спирина

Редактор Оксана Усталова

© Елизавета Спирина, 2019

ISBN 978-5-4496-1912-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отец Леонид

– Следствию известно, что вы вели контрреволюционную пропаганду среди населения города Молотово против органов Советской власти в связи с закрытием церкви. Ваши показания?

– Категорически отрицаю. Никакой контрреволюционной пропаганды я не вел.

Это был уже второй допрос за сегодняшний день. Отец Леонид с затаенной болью смотрел на следователя. Следователь был человек лет тридцати пяти, небольшого роста, с аккуратными усиками. Из кармана он то и дело выхватывал сигареты и начинал курить. Комната наполнялась дымом. И без того душная, маленькая, теперь она еще больше становилась похожей на преисподнюю.

«Уже четыре месяца допросов, очных ставок, обвинений... Сколько это может продолжаться?.. Боже, помилуй мя грешного, – мысленно произнес отец Леонид. – Укрепи!»

– Ваши показания ложны, – пахнув дымом, продолжал следователь. – Следствие располагает рядом документов, уличающих вас в ведении контрреволюционной пропаганды. Вам предлагается дать правдивые показания.

– Еще раз заявляю, – вздохнул отец Леонид, – что никакой контрреволюционной деятельности я не вел.

– Вашу контрреволюционную деятельность подтверждают ряд свидетелей, в частности, свидетель Ивановский. Вам уже сегодня зачитывали выдержку из его показаний. Что скажете?

– Показания Ивановского мне зачитаны, каковые отрицаю.

– Что ж, – прокрутил в пальцах сигарету следователь. – В таком случае приготовьтесь к очной ставке с гражданином Ивановским. Позвать Ивановского!

Молодой человек, сидящий за печатной машинкой, мигом поднялся и вылетел в коридор. Через несколько секунд в «преисподнюю» заглянул Иван Петрович. Он пошаркал на пороге, бегло оглядел комнату, стараясь не встречаться взглядом с отцом Леонидом, и посмотрел на следователя.

– Чего же вы стоите? Проходите!

Иван Петрович сделал три шага вперед.

– Садитесь!

Все так же, не смотря на отца Леонида, Иван Петрович опустился на стул и вздохнул.

– Душно тут у вас... – сказал он, сам не зная зачем, и протер лоб.

На отца Леонида он по-прежнему не смотрел.

– Вы знаете сидящего перед вами гражданина?

– Да, знаю, это Пономарев Леонид, знаком с ним по совместной службе.

– Вы знаете сидящего перед вами гражданина? – направил сигару в сторону отца Леонида следователь.

– Да, знаю, это Иван Петрович Ивановский, служил с ним в одной церкви.

– Что вам известно о контрреволюционной деятельности Пономарева? – пахнул дымом на Ивана Петровича следователь.

– Мне из-вестно, – заикнувшись и не поднимая глаз, начал Иван Петрович, – что Леонид Филиппович после закрытий по постановлению ВЦИКа церкви Троицкой, летом 1936 года призывал верующих, чтобы шли на общее собрание для защиты церкви. Со стороны Пономарева тут были явно враждебные выпады против органов советской власти, он подстрекал к подаче жалоб и выступлениям против закрытия церкви. Он говорил верующим, что якобы выписки из протоколов заседания ВЦИК о закрытии церкви фиктивные и что церковь закрыта неправильно. В январе 1937 года он восхвалял капиталистический строй, заявляя, что до революции рабочим и крестьянам жилось лучше в материальном отношении, чем теперь, при совет-

ской власти, он уверял, что возврат к старому капиталистическому строю неизбежен, так как, по словам Пономарева, много населения настроены к партии и советской власти враждебно.

Иван Петрович выдохнул и украдкой посмотрел на отца Леонида. Вздрыгнул, встретившись с ним взглядом. Он смотрел на него прямо, открыто. Не было в его глазах ни враждебности, ни обвинения, ни обиды, а только лишь жалость. Но жалость жалила сильнее гнева. Иван Петрович опустил глаза.

«Лучше бы он меня ненавидел, – подумал Иван Петрович. – Ох, Боже, и что же я творю... Но ведь не согласись я, меня бы ведь так же, как его, на допрос, а потом на расстрел... У него хоть детей нет, да и жена больная, и так помрет скоро... А у меня пятеро, да и Машенька моя одна с ними не справится... Хорошо тому Бога отстаивать, у кого ни детей, ни хозяйства. Чего ему терять? А я... О Боже, что говорю такое...»

Иван Петрович чуть не перекрестился, но вспомнил, где находится, и сделал вид, что поднял руку, чтобы почесать затылок.

– Что скажете по поводу показаний Ивановского? – тем временем спрашивал следователь у отца Леонида.

– Показания свидетеля Ивановского, что я занимался восхвалением капиталистического строя и подстрекал верующих к выступлениям против закрытия церкви, отрицаю.

– Гражданин Ивановский, что вы можете еще сообщить о преступной деятельности Пономарева?

– Мне известно, – вздохнул Иван Петрович, и вдруг ему показалось, что он не в городской тюрьме, а в болоте, что стены узкой комнатки вот-вот превратятся в трясину, и он окажется на самом дне... – Мне известно, что Пономарев на протяжении ряда лет упоминал осужденных за контрреволюционную деятельность священников...

Говорить было трудно, слова казались слишком тяжелыми... Как камни... Нет, тяжелее камней. Камни летят легко, а слова приходилось выдавливать из себя, словно застывшую свинину из мясорубки.

«Надо бы пирожков настряпать... Приду домой, скажу Машеньке... Пусть настряпает...»

– Гражданин Ивановский!

– А? Да-да... Пономарев на протяжении ряда лет упоминал осужденных священников за контрреволюционную деятельность: Покровского Глеба, Конюхова и других, – медленно продолжал он. И с каждым словом чудилось Ивану Петровичу, что он все глубже и глубже погружается в болото, – выставлял их перед верующими как мучеников советской власти.

– Пономарев, вы признаете себя виновным в контрреволюционной пропаганде, производимой вами во время служения в церкви? – достал очередную сигарету следователь.

– Да, признаю, действительно, я священников, осужденных за контрреволюционную деятельность, упоминал как пострадавших от советской власти.

Следователь торжествующе улыбнулся и закашлялся.

– Ивановский, что вы еще можете сообщить о Пономареве?

Иван Петрович вздохнул. Мысли путались. Он и забыл, что еще должен сказать... А ведь заучивал... Как стишок в третьем классе... «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... и днем, и ночью...» Боже! О чем это он?!

– Ивановский, – требовательно посмотрел на Ивана Петровича следователь.

– В 1936 году, в сентябре месяце, в кладовой и в алтаре мною была обнаружена литература контрреволюционного монархического содержания под названием «О безбожии и антихристе», «Крестьянство и социализм» и другие. Все эти книги принадлежат священнику Пономареву, так как на книгах имеется штамп фамилии Пономарева.

– Что скажете, Пономарев?

– Показания Ивановского отрицаю, штампа никакого никогда не имел, книги эти не мои, и о том, что эти книги хранятся в церкви и каким образом оказались в церкви, не знаю.

Следователь усмехнулся, перевел взгляд на Ивана Петровича.

– Спасибо, Иван...

– Петрович.

– Спасибо, Иван Петрович, за содействие следствию. Вы свободны.

Иван Петрович снова чуть не перекрестился, но опять сделал вид, что решил почесать затылок.

– До свиданья, – кивнул он и бросился вон из кабинета.

Отец Леонид проводил его печальным взглядом.

– Ну что, Пономарев, – пахнул дымом следователь. – Песенка-то ваша спета. В камеру его!

В кабинет заскочили два паренька в новенькой форме. Отец Леонид безропотно приготовился идти в камеру.

Тюремщики с размаху ударили его в живот. Священник согнулся пополам. Его грубо схватили за плечо, выкрутили руки, вытолкали в коридор.

Стало обидно. Что он сделал этим людям? За что они с ним так? Чтобы отогнать обиду, отец Леонид стал читать Иисусову молитву. Стало легче. Когда тюремщики грубо затолкнули священника в камеру и ушли, напоследок еще раз ударив, отец Леонид перекрестил дверь, закрывшуюся за ними.

«Прости их, Боже, молодые совсем, не ведают, что творят...»

– Чего стоишь? – грубо окликнул кто-то. – Приткнись, свет загораживаешь.

Отец Леонид оглянулся. И действительно, из маленького, зарешеченного, под самым потолком окошка струился солнечный свет и падал прямо на него.

– Простите, – вымолвил отец Леонид, посторонившись.

Арестант, тридцатилетний мужичок с избитым лицом и заплывшим глазом, махнул рукой и стал глядываться в пылинки, плывущие по солнечному лучу. Струйка солнечного света – самое дорогое, что теперь у него было.

В камере было много арестантов. Кто-то сидел, опустив лицо, кто-то молился, кто-то лежал на нарах. На вряд ли спали... Уснуть в двух шагах от вечного сна невозможно... Хотя почему от вечного сна?... От вечной жизни... Ну да все равно невозможно...

Отец Леонид забрался в угол, опустился на пол возле чьей-то койки, перекрестился.

Откуда-то сверху донесся храп.

Все-таки возможно...

Вдруг вспомнилось детство. Как он маленьким мальчишкой засыпал под колыбельную матери или под жития святых. Жития святых он любил больше, чем колыбельные. Слушал их, постепенно погружаясь в сон, и словно бы видел, как великомученика Пантелеймона бросали в кипящее олово, а он оставался невредим, как сбрасывали в море с камнем на шее, а он продолжал жить; как мученика Леонида Коринфского за веру в Христа утопили в море; как святые мученицы Вера, Надежда и Любовь терпели пытки, и огонь не причинял им вреда. Виделись ему и монастыри, воздвигаемые русскими подвижниками, чудилось, как Серафим Саровский с руки кормил медведя, как безропотно позволил покалечить себя разбойникам и простил их, как тысячу дней стоял на камне в беспрестанной молитве...

Да, что и говорить, детство у него было счастливым, да что там детство, вся жизнь счастливой была...

Вспомнил отец Леонид своего брата Володю, как росли они, как с малых лет помогали отцу на службе... Вот папа выходит из алтаря, читая молитву, благословляет прихожан, ведет службу...

Да, хорошо было в детстве. Жили они в избушечке небольшой, но крепенькой. На краю деревни стояла. Проснется утром, в окна солнечные лучи заглядывают, доброго дня желают. Распахнет окно – воздух свежий-свежий, будто сок березовый... Жадно-жадно большим глот-

ками его вдыхаешь, и все никак не напьешься им. Он часами мог у открытого окна стоять, порою даже просыпался специально в четыре и до шести все дышал и к птицам прислушивался. С утра они по-особенному поют. Тихо так, нежно... Словно зарю заывают. А однажды прямо на опушке, в метрах трех от окна, раз – и заяц. Смешной такой, серый ушастик. Сидит, ушки наострил, прислушивается к чему-то... Увидел его, ушки прижал, прыг – и нет его... Эх ты, ушастик!..

А березки как утром чудно шелестят... Тоже по-особенному, не так, как днем или вечером... Перешептываются, сказки друг другу сказывают, лесными новостями делятся и Бога прославляют... Это ж надо такую красоту создать! И чтобы утро ото дня отличалось и от вечера... И чтобы солнышко животных и людей лучиками встречало...

Растроганный вставал на молитву... Подолгу молиться не мог – на улице хотелось выбежать, да и с кухни такой запах пирогов доносился, что нет сил на духовном сосредоточиться. Володя, тот крепился, молился, бывало, нос зажимал, чтобы запах пирогов его не соблазнял, но все равно сдавался порою. Бежали с ним на кухню, а там мама уже самовар поставила, пирожки из печки достает... Пирожки капустные или щавелевые, а по весне так из пестиков, тоже вкусные очень... Иногда и морковные пекла, и с луком и яйцом, коли поста не было, а по праздникам – один пекла, большой рыбный... Вкусотища... Он с Володькой на раз-два все съедал, но мама всегда один пирог припрятывала, бедным потом отдавала... Добрая была, отзывчивая, всем всегда помогала, как и папа, но и строгая при этом. Как ему влетело, когда он с Петькой, соседским мальчишкой, лошадкой деревянной не поделился. Мама тогда целый день на него обижалась, говорила, что не желает иметь сына-жадину. Перепугался – жуть! Пошел потом, отдал Петьке и лошади, и медвежонка в придачу, лишь бы жадной не быть. С тех пор не жадничал, ну разве что земляничного варенья старался побольше ложкой захватить...

А как они любили с Володькой в лес бегать за грибами, ягодами, а иногда и просто так, лесной красотой полюбоваться! Заходишь в лес, и словно в сказку попадаешь. Каждое деревце будто живое, здороваётся с тобой, руки-ветви протягивает. Белочка поздороваться из дупла выбежит, дятел пару раз по стволу стукнет, ежик под ногами прошуршит. Чудеса! Запах дивный-дивный, особенно, когда дождь пройдет. Древесный, влажный, мягкий-мягкий... А как грибок под березкой найдешь, так сколько радости! Они с Володькой даже пари заключали, кто больше грибов найдет. Проигравший должен был идти на речку маме помогать белье полоскать или посуду мыть.

А когда в июле на поляну ягодную наткнешься! Ягод – целое зарево. Наберешь корзины пять, не меньше. Вечером домой возвращаешься. Пьешь с молоком свежую ягоду. На следующий день мама варенье варит, часть ягод опять-таки отдает тем, кто сам не в силах уже в лес сходить.

А когда сенокос начинался... Ох! Всей деревней выходили в поле. Рядом с папкой всегда косили, Володька – по правую руку, а он – по левую. Косят, песни поют, под песню-то быстрее да и легче косить. Жарко, пот ручьями льет, вся рубаха сырая. Под деревца, где тень, поглядываешь, отдохнуть хочется, вздремнуть, но нельзя, трудиться надо. Что бедные коровушки, козочки да овечки зимой есть будут? Коли кто помрет из них от голода, так ведь это именно он и будет виноват, раз ленился на сенокосе. И пусть у папы с мамой всего одна корова, другим-то ведь тоже помочь надо...

Зато спится как после такого дня! Нароботавшись, только «Отче наш» произнести сил хватает, рухнешь на кровать и спишь лучше, чем младенец. А часов в пять уже снова подъем – отец за плечо трясет: «На сенокос пора». Кое-как ноги от кровати отрываешь, да и руки болят от косы, но все равно идешь, как иначе?!

После окончания сенокоса всегда благодарственный молебен служат. Он с особенной радостью отцу службу вести помогает: во-первых, работа тяжелая позади, во-вторых, сена

теперь на всю деревенскую животинку хватит, в-третьих, август впереди! Пост Успенский. Самый вкусный пост! Они с Володькой его иначе, как лакомкой и не называли. Ягод к этому времени запасли море, грибы, как на дрожжах, растут, да и овощи уже поспевают. Репу лопаешь, грибовницу, горошницу ешь, ягодками лакомишься, яблочками... Блаженная пора!

Впрочем, расслабляться долго не приходится. Урожай пора собирать. Это дело радостное. Выкапывают с Володькой, бывало, картошку и угадывают, сколько картошек в клубне будет. У кого больше всех попаданий – тот опять-таки маме помогает или стирать, или мыть, или обед готовить.

А осенью еще и свадеб много! Венчание – что за чудо! Они с Володькой вечно спорили, кто будет отцу на венчальной службе помогать, даже стали на скорость грядки убирать. Кто больше грядок за три часа уберет, тот и помощником отцу будет. Ох, как же быстро они тогда с урожаем справились! Мама только руками развела, как в огород вышла – большая часть огорода пустая, а овощи на солнышке сушатся.

А как мама начнет запасы на зиму готовить: огурцы, помидоры мариновать, грибы солить... По дому такой запах витает – пальчики оближешь! Опять на молитве сосредоточиться не можешь! «Ну ничего, – думаешь, – скоро зима, там отмолишься...»

Зима всегда неожиданно настает. Все вокруг желтое, красное, а потом – вдруг раз, встал утром, выглянул в окно, а там – белым бело... И опять про молитву забываешь – на улицу несешься. По первому снежку-то как пробежаться охота! Бежишь, и Бога благодаришь, что такую красоту сотворил. Это же надо – снег придумать! А то было бы на земле одно сплошное лето – тоска!

А церковь зимой какая красивая! Невеста и есть! Она у них в Ныробе хотя и небольшая деревянная была, но уютная, теплая. Да и народу всегда много было. Сколько себя помнит, столько и церковку эту. Стоит, бывало, еще маленький-маленький, смотрит. Вокруг иконы – словно живые, свечи, а поют как красиво! Он сначала думал, что это ангелы поют, потом отец объяснил, что это клирос.

Отец во время службы – это уже какой-то другой человек, особенный. Особое благоговенье перед ним чувствуешь. Священник, преемник Божий. И какая это честь была – помогать ему во время службы. Он до потолка прыгал, когда отец сказал, что он уже большой и может помогать службу вести, как Володя.

А что священником будет, он как-то сразу понял. Больше у него и не было никакой мечты. Разве может быть что-то желаннее сана священника?..

Володя порой размышлял о монашестве, говорил, что вот там-то настоящий подвиг. Но он, в отличие от Володи, о монашестве не думал, видать, слаб был для такого предназначения, не мог от всего мира отречься... Да и подвиг, он везде подвиг, и у крестьянина, и у плотника, и у кожевника, и у бортника, и у всех-всех... А материнский подвиг каков?.. И словами не передать...

Зимой отец после службы начинал мастерить. Летом не успевал, работы и без того было много. А зимой время удавалось выкроить. Плотником он был искусным, кому сани починить, кому тарелки из дерева вырезать или ложки, кому игрушки – все к нему шли. Они с Володькой ему помогали. Володька-то молодец, все у него складно выходило, а вот у него поначалу плохо получалось, но со временем наострился. Ему отец все больше по мелочи задания поручал – стул починить, лопату или окучник, ну а потом, как подрос, так сам стал и корыта делать, и тарелочки вырезать, и, если надо кому, сарай или дом мог подправить. К бабе Дусе ходил, старенькая она была, а дети ее разъехались и позабыли о ней совсем, так вот он ей то пол починит, то крышу, то сарай подновит, то забор исправит, то пряников от мамы принесет. Баба Дуся пряники очень уж любила.

В декабре все в деревне торжественное было: и люди, и природа. Лес, поля, река – все словно замерло в ожидании, приделось в серебро к грядущему празднику. Люди смиреннее

стали, тише, улыбчивее. Рождество у всех любимый праздник. Все семьями на всенощную приходили, до самого утра стояли. У кого дети маленькие, так те уходили, их спать укладывали, а сами снова возвращались. Даже места порой в церкви не хватало.

А седьмого какие только яства на столе не появлялись! И откуда что бралось? Годы-то порой неурожайные были – климат в Нырбке капризный, но в Рождество все равно находилось, чем полакомиться. Капусту квашенную доставали, грибы соленые, паренки делали. Ох, уже эти паренки! До чего вкусны! Из свеклы, брюквы, морковки, редьки, репы! В чугушке парятся, затем на противне подвяливаются – и такая вкусность получается! Мама ими всех в церкви угощала – маленькие подарочки. А пельмени капустные! Всей семьей их лепили целый день! Сама лепка – уже праздник. Пока пельмешки делаешь, и наговоришься, и насмеешься вдоволь.

К марту от зимы устаешь, а она еще и не думает заканчиваться. В Нырбе минусу тридцати в марте никто не удивляется, все только вздыхают да апреля ждут. Всем Пасхи хочется. Пост уже в тягость... То рыбки, то молочка, то блинов со сметанкой захочется... Но терпишь, не позволяешь себе пост нарушить. Отец-то строго следит. «Как лакомств захочется, моли-тесь, – говорит, – молитва любой еды слаще».

Они с Володькой и молились. Володьке лучше молитва давалась, а он-то сначала нехотя начинал, но потом разгоралось сердце, и не то что молочко с рыбкой забывал, а весь белый свет.

А как весна наступала, так и душа вместе с природой расцветала...

Ручейкам всем сердцем радуешься, кораблики с мальчишками пускаешь, отец-то их за зиму наместерит!

А бывало, присядешь и за травинкой наблюдаешь, как она к солнцу тянется. День длиннее, ночь короче, утром вставать легче уже. Ну а там и посев не за горами. И так это радостно новое семя сажать! Еще недавно, кажется, картошку выкапывали, а теперь уже новую садить пора. Чем не чудо! Ведь нет ничего – земля пустая, малепусенькие семечки туда кидаешь, а потом раз – и картошка тебе, и маркошка, и репа... Дивишься природе и невольно начинаешь Бога прославлять, как это он все так премудро устроил!

Особенно последняя весна, перед тем, как из дома уезжать, чтобы в духовном училище учиться, запомнилась. Он весь тот год перед отъездом каждую черточку родной земли впитывал, часами то лесом, то рекой, то церковью родной, то домом любовался. Не хотел уезжать. Но нужно было учиться. Мечта стать священником сильнее привязанности к дому оказалась.

И вот день отъезда. Родители в тележку их с Володькой сажают. Отец благословляет. На глазах матери – слезы. Володька молодцом держится, он уже год в семинарии проучился, на второй курс перешел. «Не робей», – говорит. А как не робеть? Впервые в жизни от отца с матерью уезжаешь. И тоскливо, и грустно, и тяжело на душе. Думается невольно: «Может, и не учиться... Жить здесь, на земле работать...» Но посмотришь на небо и вспомнишь: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня». Обнимешь отца с матерью, закроешь глаза и поедешь.

«Ну что ж ты в самом деле, как в последний путь собрался? – смеется Володька. – Семинария не в ином мире чай находится, всего-то лишь в Соликамске»...

...Дверь с лязгом отворилась. В камеру швырнули еще одного человека. Он упал. Отец Леонид вскочил и подбежал к нему.

– Крепись, – тронул он за плечо сокамерника и замер, когда он приподнял голову. – Анатолий! И тебя...

Отец Анатолий вздохнул, закашлялся и приподнялся, опершись на руку.

– Встать можешь?

– Попробую.

Отец Анатолий попытался подняться. Встать на ноги удалось только со второго раза. Его шатало. Поднялся он только благодаря поддержке отца Леонида.

Отец Леонид помог отцу Анатолию добраться до стены. Лечь некуда – все нары заняты.

– Сейчас попрошу кого-нибудь.

– Не надо, – остановил его отец Анатолий.

– Да ты и сидеть не можешь!

– Все равно уж...

– Кто-нибудь, пожалуйста, уступите место человеку, – обратился к сокамерникам отец Леонид.

Никто не шевельнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.